

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+



Я тебя съем

ЛАНА МОРРИГАН

Лана Морриган

Я тебя съем

Серия «Любовь на века», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67711346

SelfPub; 2022

Аннотация

Я всего лишь хотела доказать себе, что красива и желанна. Но не думала, что ночь с нахальным и обаятельным незнакомцем изменит мою жизнь навсегда. Для него не существует границ и правил, и наши запретные отношения превратятся в одержимость.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 6	52
Глава 7	63
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Лана Морриган

Я тебя съем

Пролог

Футболка незнакомца сбилась под моими бедрами, и я лежу на голом песке, ощущая лопатками скомканную ткань.

– Боже, – произношу одними губами, впиваясь взглядом в иссиня-черное небо над головой с миллионами ярких вкраплений.

– Можешь так и называть, я не против, – произносит парень насмешливо, прикуривая сигарету и откидываясь на спину. Голос приятный, с легкой хрипотцой, по тону понятно, что его хозяин доволен собой.

Спускаюсь взглядом от мужского профиля к груди, впалому животу и длинным жилистым ногам. Никогда бы не подумала, что у меня может быть что-то с подобным ему. Я же видела, какими многообещающими взглядами одаривали его другие девушки. Яркие, уверенные, в броской одежде...

– Что-то не так? – интересуется, выдыхая дым с нотками вишни.

И что мне ответить?

Черт побери, Аля, да ты только что переспала с парнем, после двадцати минут знакомства! Ответь, что все нормаль-

но, а в идеале – отлично.

Я же не пила алкоголь и не употребляла наркотики. Как я могла?! Возможно, он мне что-то подсыпал? И, не подумав, я озвучиваю эту мысль.

Незнакомец молчит, подносит сигарету к своим губам, затягивается, в его темных глазах опасно поблескивает желто-оранжевый огонек.

Замечательно, помимо того, что ты переспала с незнакомцем, теперь ты его в чем-то обвиняешь. А если он псих?

– Ты не подумай, что я тебя обвиняю, – испуганно залепетала я, вытаскивая из-под спины футболку и протягивая ее владельцу. – Просто... просто подобное со мной впервые.

– Что именно?

Ну зачем неудобную ситуацию он превращает в катастрофически неловкую?!

– Подобное.

– М-м-м? – затягивается вновь.

– Я впервые занималась сексом с человеком, имени которого даже не знаю, – выпалила и точно залилась краской. Щеки и шея полыхали. Я подтянула ноги и обхватила себя руками, пытаясь хоть как-то защититься от прохладного ветра и невыносимо пристального взгляда. Он затушил сигарету и кинул окурочек куда-то в темноту.

– Никита, – протянул раскрытую ладонь. – Можно просто Ник.

– Аля, – ответила сдавленно, сжимая мужские пальцы. –

Я, наверное, пойду. – Оглядываюсь в поисках одежды.
Мужские пальцы плотно обхватывают мое запястье.
– Это вряд ли.

Глава 1

Алина

– Аля!

Я вздрагиваю и отрываюсь от экрана ноутбука.

Витя хмурится, растирая заспанное лицо. Цокает языком и проходит в кухню, демонстративно поворачиваясь ко мне спиной.

– Вить, не ругайся. – Спешно и немного неуклюже я собираю бумаги с кухонного стола, закрываю крышку ноутбука. – Вить, – тяну заискивающим тоном. – Ну-у-у... – Обнимаю мужчину за талию и прижимаюсь к спине. – Ты же не злишься?

– Злюсь, Аль. – Набирает воду в чайник. Чайник грохочет о чугунную решетку. – Отпусти, мне нужно собраться на работу.

– Вить! Ну правда. Ну что ты дуешься?

– Ты обещала, Аль. – Он стряхивает мои руки и выходит из кухни.

– Вот тебе и «Доброе утро, любимая», – ворчу я себе под нос. Складываю записи и ноутбук в сумку и отношу ее в коридор. Только бы не забыть лекции. Людмила Васильевна точно меня съест и не подавится, а с ее комплекцией, возможно, после и еще кем-то закусит.

Под дверь в ванной проникает звук льющейся воды и жужжание электрической зубной щетки. Тяну дверную ручку, поддаётся – не закрыл. Вхожу и вновь прижимаюсь к мужской спине. Щекой и телом ощущаю движение мышц. Витя сплевывает пасту, выключает воду и ровным тоном спрашивает:

– Сегодня мы опять никуда не едем?

А я же улыбаюсь и тороплюсь заверить в обратном:

– Нет, едем-едем. Честное слово! – Трюсь носом о мягкую ткань футболки. – Я специально поработала подольше, чтобы точно освободиться перед выходными. Я и вещи собрала. – Выглядываю из-за плеча и встречаюсь с Витей взглядом в отражении зеркала. – Обещаю, в этот раз мы точно поедem к друзьям. Купальник, крем от загара, солнцезащитные очки, все-все уже собрано.

В ответ я ловлю недоверчивую, но все же улыбку и сильнее стискиваю в объятиях родного человека. Уже шесть лет я не представляю жизни без этого мужчины. Красивого, доброго, отзывчивого, самого-самого.

– Ты же проспишь всю природу. Опять ночь батрачила на свою Жабу. – Он разворачивается и, наконец, обнимает меня в ответ.

– Мне и просто рядом с тобой хорошо, – шепчу, радуясь, что конфликт исчерпан.

– Аль, а мне бы хотелось не рядом с тобой, а над тобой

или под тобой. Аль, ты же понимаешь, о чем я? – Мятное дыхание щекочет уголок моих губ.

Я поднимаю правую руку и клятвенно произношу:

– Понимаю и обещаю, что на выходных не слезу с тебя с живого!

– Сказочница, – смеётся Витя. – Скорее у меня будет секс со спящей девушкой.

– Ну, тоже неплохо, не находишь?

– Не нахожу. Никаких «у меня болит голова» или «я еще немного поработаю и приду в кровать», поняла? – Указательный палец грозно маячит перед моим носом. – Я не шу-чу, Аль, я взрослый мужик. Мне нужен секс, мясо и отдых на природе.

– Я поняла тебя, взрослый мужик. – Поспешно целую в губы мужчину. – Тебе чай или кофе? – Выворачиваюсь из объятий и спешу на пронзительный свист чайника.

– Кофе.

– И мне кофе. Много кофе. – К двум ложкам ароматных гранул добавляю еще одну и четыре ложки сахара.

Быстрый завтрак, несколько движений расчески по волосам, блуза, юбка, и я повисла на поручне троллейбуса, медленно крадущегося в сторону университета.

На моем плече объемная сумка с ноутбуком, зарядкой, лекциями для двух курсов невыносимой Жабы Васильевны и часы на запястье, нагло указывающие на мое очередное опоздание. В глазах словно тонна песка, я шурюсь, промар-

живаюсь, но неприятные ощущения не уходят. Широко зеваю и получаю тычок в спину – только благодаря утренней давке в транспорте я еще не уснула. На вялое «извините» киваю и нечленораздельно мычу:

– Ничего страшного.

Спотыкаясь, я взбегаю по лестнице, ведущей в главный корпус, киваю приветственно охраннику.

– Ключ еще никто не брал? – интересуюсь, лелея мечту, что остальной преподавательский состав в пятницу решил прийти позже меня и я не буду выслушивать многочасовые нотации о безответственном отношении к работе лаборанта кафедры.

– Нет, держи.

Я радостно выхватываю ключ, ставлю закорючку в журнале и бегу на второй этаж. Первым делом нажимаю кнопку на чайнике в ожидании очередной порции кофеина, достаю ноутбук, аккуратной стопкой складываю лекции Жабы Васильевны на край ее стола и принимаю скучающей вид, словно я никуда и не уходила.

Через пару секунд женщина, запыхавшись, вваливается в кабинет и шумно объявляет о своем появлении:

– Доброе утро, Алечка.

– Доброе утро, Людмила Васильевна.

– Как дела? Как добралась? – Мой ночной кошмар принялся приводить в порядок волосы, укрепляя прическу лаком.

– Спасибо, хорошо. А вы? – Я приоткрыла створку окна, впуская свежий воздух в крохотное помещение, именуемое «Преподавательская».

– Ой, такая жара. Чуть не задохнулась. А водитель маршрутки открыл окно, и посмотри, во что превратились мои волосы!

Я в очередной раз сочувственно «дакала», выслушивая ежедневные жалобы.

– Людмила Васильевна, ваши лекции на столе. – Я указала на стопку уже распечатанных бумаг, разобранных и сшитых по темам. – А ваши рукописи на полке за спиной.

– Неужели?! – Женщина радостно всплеснула руками, отставила флакон с лаком и принялась листать. – Какая же ты умница. Не устаю за тебе молиться.

– Спасибо, – мямлю, мысленно подгоняя минутную стрелку. Еще три минуты до начала пары. Невыносимые три минуты.

– А я как знала. – Людмила Васильевна дернула замок объемной дамской сумочки и извлекла две синие папки. – Материалы для четвертого курса, к понедельнику набери, – а в тоне ни намека на возможность отказаться.

– Но... – Папки уже в моих руках. – У меня были планы на выходные, – пытаюсь вежливо донести, что работать в выходные я не намерена.

Жаба Васильевна вскидывает вопросительно идеальные дуги бровей и слишком спокойно интересуется, прекрасно

зная ответ на свой вопрос:

– Тебе нужен научный руководитель, или как?

– Конечно, нужен. – Если до этих слов я держала папки на вытянутой руке, то сейчас обняла их как родных. Иванова Лариса Васильевна, заведующая кафедрой, доктор педагогически наук, попасть к ней мечтает каждый второй, решивший связать свою жизнь с наукой. Она не просто курирует написание диссертации и статей, толкает на всевозможные конференции, но и помогает защититься. Но за все нужно платить.

– Замечательно, что мы друг друга понимаем. Люблю умных людей. Открой мне аудиторию. – Пухлый палец с бордовых маникюром указывает на часы. – И, Алечка, материалы нужны к понедельнику, сама понимаешь, лето закончилось, пора работать в полную силу.

А я виновато улыбаюсь и согласно киваю. Витя меня прибьет! За два месяца, проведенные перед ноутбуком и листами, исписанными круглыми буквами, нам удалось выбраться на природу лишь дважды и то на несколько часов, а не как планировал Витя: на все выходные, с палатками, костром, утренней рыбалкой и настоящей ухой.

Ковыряю ключом замочную скважину, неохотно здороваюсь с первокурсниками, а перед глазами скандал, что разразится вечером, если я ничего не придумаю.

Ничего, нужно сделать максимум работы в течение дня, а закончить я смогу в поездке. Записи и ноутбук не помешают

резиновой лодке с удовольствием разместиться на заднем сиденье автомобиля.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль я закрыла дверь любимой кафедры, подергала ручку, как делала обычно, и, с трудом переставляя ноги, поплелась домой.

Сбросив сумку у входа, присела на диван, вытянув ноги. Сейчас я прикрою глаза на пять минут и сразу же соберу кухонную утварь в поездку. Честное слово. Только пять минут.

– Аля!

– А? – бормочу, приоткрывая глаза.

Тяжелые мужские шаги разбивают остатки сладкого сна.

– Где твой телефон? Я оставил двадцать три звонка. Ты почему еще не одета? – Витя на ходу расстегивает манжеты рубашки.

– В сумке оставила. И я сейчас переоденусь. – Легкое головокружение вынуждает присесть обратно на диван.

– Аль, бросай ты свою науку, она тебя доконает. Ты посмотри, в кого превратилась всего за год. – Снимает рубашку, отбрасывает в сторону.

– Я не откажусь от своей мечты, – протестую, снова пытаюсь подняться на ноги.

– Ну какая это мечта, Аль? Дом где-то у моря – это мечта. Авто – мечта. Стать рок-звездой и то мечта. А у тебя глупое желание горбатиться на тетку, которая на таких дурочках, как ты, скоро вторую докторскую защитит. И в двадцать че-

тыре выглядеть как молодящаяся Шапокляк – странная мечта.

– Я хорошо выгляжу! Нет, отлично! – Встречаюсь со своим заспанным отражением в зеркальной створке шкафа.

– Когда ты в последний раз ходила на маникюр, или что вы там себе делаете? – Витя подхватывает мою кисть и, скривившись, рассматривает аккуратно подстриженные ногти, покрытые прозрачным лаком. – Ты только посмотри, как выглядят девушки твоего возраста. А на тебе вечно юбка до щиколоток и кофта, застегнутая под шею.

– Ты спустя шесть лет разглядел мой стиль?

– Это не стиль, это... – Он поджал губы и с отчаянием махнул на меня ладонью.

– У тебя что-то произошло на работе? – спрашиваю, а слезы обиды предательски набегают на глаза.

– Нет. Переодевайся. – Выходит из комнаты.

– Угу. – Снимаю юбку через ноги.

– Твою мать, Аля! Кто сумку с ноутом ставит посередине дороги? А это что? – Балабаев влетает в комнату и трясет перед моим лицом папками. – Ты опять взяла работу на выходные? И когда хотела мне об этом сказать, а? Следующие два дня собираешься провести перед экраном ноута, а не со мной?

– Вить, не начинай... пожалуйста. – Накопленная усталость скатывается горячими слезами по щекам.

– А я еще не заканчивал! – Он бросил документы мне

под ноги. – Ты только глянь на себя, на кого-то ты похожа? – Схватив за плечи, развернул меня к зеркалу. – Что это? – Дернул резинку хлопковых трусиков. – Пойми, это антисексуально. У мужиков на такое не встает. И ведь все такое. Все! – Подвел к комоду, открыл верхний ящик, скривившись, ворошил мое белье. – Надо уметь говорить «нет». Жабе своей, или пацану, который выпрашивает сто рублей на хлеб, а на самом деле купит бутылку пива или сигареты. Аль, я устал от твоей правильности. В твоей сумке три пачки влажных салфеток на все случаи жизни: для лица, рук и задницы. Ты не пьешь алкоголь и не любишь собираться компанией, сутками сидишь перед своими бумажками. Да, будучи студенткой, ты ни разу не напивалась. От тебя минута можно дожидаться два раза в год: на день рождения и нашу годовщину, и хорошо, что между этими датами разница в полгода, иначе я не знаю, как бы ты перенесла подобное чаще. Я устал! – Витя закончил монолог и наконец отпустил мои плечи. – Я реально так больше не могу.

– Я куплю другое нижнее белье. – Всхлипывая, берусь сворачивать трусики аккуратными валиками и раскладывать, как и прежде, по цветам.

– Не в белье дело, Аль. Я не хочу больше быть с тобой. Я скоро превращусь в тебя, только в мужскую версию. Буду сортировать мусор, раз в год ездить к морю и дважды в неделю заниматься сексом, в пятницу, и, если повезет, то еще и в субботу, а в воскресенье – ни-ни, утром же на ра-

боту. К тридцати пяти у нас будет трое детей, выходные на даче и утомительные беседы о планах на следующую неделю под чашку травяного чая. Все! – Рубанул ладонью воздух. – Собери мои вещи, я их заберу завтра, – это последнее, что я услышала, перед тем как оглушительно хлопнула входная дверь.

Глава 2

Алина

– Вить, не бросай трубку! – Я сижу на полу, у ног раскрыта сумка, а пальцы сжимают телефон. На первый звонок Витя грубо рыкнул: «Аля, я тебе все уже сказал. Нам больше не о чем разговаривать», – и сбросил вызов, а последующие отбивал, не утруждая себя болтовней.

Встав на четвереньки, я складываю содержимое сумки, раскатившееся по полу коридора, изредка окропляя косметику, блокнот для записей и салфетки крупными слезами. Действительно все?! Вот так в один момент взять и решить за себя и за другого человека. Я всегда думала, что расставание – оно другое. Оно не происходит в одну секунду. Для этого должны быть какие-то предпосылки, тревожные звоночки. Но их не было. Или я просто не замечала, существуя в своем выдуманном мирке, далеко от реальности. Если мы и ссорились, то лишь на почве моей работы и желания учиться в аспирантуре. Витя называл это блажью и глупой тратой денег, но продолжал поддерживать меня материально. Да что уж утаивать – содержал. На ставку лаборанта кафедры я не могу себе позволить закупить продуктов на пару недель, если, конечно, не собираюсь питаться исключительно капустой и картошкой.

Выровняв раскиданную в коридоре обувь, я вернулась в комнату. Створки шкафа распахнуты, под моими ногами скомканная мужская рубашка и ненавистные лекции четвертого курса в синих папках. И мне так и хочется пнуть их ногой. Но я перешагиваю, закрываю створки, привстаю на носочки, мои пальцы нащупывают пластиковую ручку чемодана... Разве так можно, взять и закончить шесть лет отношений? Шесть лет! Конечно нет! Я заталкиваю чемодан вглубь, не разрешая себе думать о расставании. Это всего лишь эмоции, они схлынут, и Витя обязательно вернется, но, как оказалось, так думала только я.

– Алло, – просипела я в трубку, принимая вызов, не глядя на имя звонившего. Мой мозг был настолько нагружен эмоциями, а тело многодневной усталостью, что я отключилась, свернувшись калачиком на не разобранным диване, как и была, в белье и блузе.

– Алька! – звонкий голос одной из сестер Комаровых усилил головную боль. – Мы с Саней встретили твоего Витьку. А это нормально, что он в обнимку с какой-то курицей и настойчиво сует свой язык ей в клюв?

– Какой курицей? – я совершенно глупо переспрашиваю.

– С бабой, Аль. Размалеванной под вождя племени Хули, Папуа – Новой Гвинеи, – громкая музыка смешивается с голосом Ани. Комаровы – самые отвязные тусовщицы нашего потока. Их образ жизни не изменился после окончания университета, как, впрочем, и мой.

– Что?

– Вот и я спрашиваю, какого племени Балабаев сейчас лапает девку в трех столиках от нас?

А мои последующие вопросы все глупее:

– Ань, а это точно он?

– Точно-точно, – подруга перекрикивает басы клубной музыки, – глянь сообщение.

Не сбрасывая вызов, я открываю фото. Он. Мой Витя. Точно он! В белой футболке, что он надел, вернувшись домой. Его пальцы удерживают какую-то девушку за подбородок, а их губы в паре миллиметров друг от друга. Девушку я вижу впервые. Именно тот типаж, который всегда нравился Вите: тёмные длинные волосы, крупные черты лица, смелый макияж и уверенность во взгляде. Он, даже будучи в отношениях, не стеснялся указать мне на ту или иную «красавицу», подмечая ее достоинства.

– Мы сегодня расстались, – отвечаю я, прикладывая телефон к уху.

– Они расстались, Сань, – Аня дублирует информацию для сестры, продолжает расспрос: – Давно?

Настенные часы показывают половина второго ночи. Я пытаюсь произвести подсчеты, но у меня не выходит:

– Пять или шесть часов, как я свободна.

И только сейчас до меня доходит, что действительно все. Не будет примирительного разговора по душам. Нас больше нет! Нет неразлучной парочки Витьки и Альки, как обычно,

дразнили нас друзья. Он ушел. Мужчина, которого я считала своим, в одночасье стал чужим.

– Алька?! – пробивается сквозь шум мыслей. – Слышишь, жди нас! Мы скоро будем! Сань, она не отвечает, – Аня взволновано обращается к сестре.

– Я слышу, – отвечаю я.

– Жди! – рявкает Комарова и сбрасывает вызов.

Неужели я опять плачу? Пытаюсь сказать, что не нужно волноваться, не нужно ехать, но слова тонут в всхлипах. Вот теперь точно все... Он выбрал другую.

Как же хочется отмотать на несколько часов назад. Изменить прошлое. Одно мое «нет», и в данный момент мы могли бы лежать под звездным небом, греясь в объятиях друг друга и тепла догорающего костра. Но вместо этого, я стаскиваю тяжелый пластиковый чемодан и, не стирая пыль с крышки, дергаю металлические замки.

– Я же взрослый человек, – говорю себе, снимая с полки ровные стопки мужской одежды и аккуратно складывая. А ладони зудят от желания скомкать рубашки Балабаева, открыть окно и устроить дождь из мужских носков, футболок и брюк. И нестерпимо хочется кричать! Кричать во всеулышание, громко и надрывно о том, как же мне больно. Очень больно.

Собрав со щек слезы, я плетусь в ванную. Голубая зубная щетка, шампунь с запахом ментола, бритва, лосьон для бритья и мочалка степенно опускаются в пакет.

Трель звонка и сразу же нетерпеливый стук в металлическую дверь отвлекают меня от сбора косметики.

– Аля!

Я не верю своим ушам и смотрю в глазок.

– Аля открывай! У нас ЧП, собаку укачало.

Я точно не ослышалась: сестры Комаровы на моей площадке.

– Да у меня и не закрыто, – произношу вместо приветствия, распахивая входную дверь и пропуская девушек внутрь.

– А я ей говорила: «дерни ручку». – Аня заталкивает сестру-близняшку. – Да проходите уже. Это животное всю машину уделало, – щелкает собаку по блестящему носу.

– Аль, ты прости, что мы так долго, – оправдывается Саша. – Я увидела Булочку и пропала. Ты посмотри на эту мордочку.

Булочка подняла на меня выпученные глаза, твякнула, демонстрируя выпирающую нижнюю челюсть и кривые зубы, и активно завилыла хвостом-метелкой.

– Завтра вечером ее бы усыпили. Кто-то принес милашку на лечение и не забрал, – уточнила Саша.

– Да-да. – Аня закатила глаза, и пока сестра в ванной отмывала собаке морду и лапы, доверительно зашептала: – А еще она отдала тридцатку долга в ветеринарке. Совсем свихнулась, как Кроша сбила машина. На прошлой неделе притащила домой дворнягу прямо с улицы. Благо я успела ее вы-

пустить, пока эта больная ходила на маникюр. А Сане сказала, что собака убежала. Я хреновая сестра, да? Кстати, ужасно выглядишь. – От Комаровой пахнет алкоголем и яркими фруктовым ароматом. Обтягивающею платье до середины колена демонстрирует плавные изгибы фигуры; глубокий вырез подчеркивает грудь третьего размера; прямые волосы, собранные в хвост, открывают шею, и десятисантиметровые каблуки лаковых туфелек удлиняют стройные ноги – словно с нее Балабаев всегда рисовал свой идеал.

– Ты не первая, кто мне сегодня это говорит. – Я поправляю полы блузы.

– Идем на кухню. – Аня тащит меня, усаживает на стул и снимает кожаный рюкзачок. – Рассказывай. – Извлекает бутылку ликера и коробку ассорти шоколадных конфет. – Ликер не предлагаю, знаю, что не будешь, а конфеты держи. За ликером, кстати, пришлось заезжать домой. После двадцати трех ноль-ноль алкогольная продукция не реализуется, – Комарова явно старалась передразнить кого-то из работников магазина.

– Ну что, она рассказала? – Саша входит в кухню, держа в руках собаку, закутанную в полотенце. – Ничего, что я взяла? – изображает извиняющуюся улыбку.

– Ничего, это Вити, – ответила я.

– Еще ничего не рассказала, – произносит Аня, по-хозяйски распахивает створки кухонных шкафчиков в поисках фужеров.

– Справа, – я направляю ее, не зная, как начать. А рассказывать придется, эти занозы точно не отстанут.

Повествование выходит эмоциональным, слезы не переставая льются по моим щекам, девочки не перебивая слушают, потягивая ликер и подкармливая высохшую Булочку шоколадными конфетами.

– Это на эти трусики у него не встает? – интересуется Аня, под нетрезвое подхихикивание сестры. – Ну, тогда у него проблемы с потенцией.

– Да нет, – оправдываю я Балабаева, оттягивая полы блузы и прикрывая бедра, – все нормально.

– Да ничего не нормально, Сорокина! Он высмеял твои планы на жизнь, признал их глупыми, не предложил помощи, оставил тебя одну, а сам сейчас трахает какую-то...

– Не матерись, – обрывает ее Саша, – ты обещала.

– Да тут по-другому нельзя, ты что не видишь? Он же обесценил все, что она любит, – продолжает Комарова-старшая.

– Я же сама виновата, – я пытаюсь возразить.

– Ты дура, Сорокина! Сама она виновата, ну-ну. Хорошо же он тебя обработал. Нашел дурочку! Меньше слушай, это они глазами пожирают яркие фантики, а возвращаются к такому, как ты.

– Каким?! – интересуюсь я воинственно.

– Спокойно! – отрезает Аня. – Мужики быстро устают ярких и непредсказуемых, и вот тогда приходит твое время,

Сорокина. Красивая девочка, умная, тактичная, ориентированная на семью.

– Ну-ну. – Я закидываю в рот очередную конфету и маниакально разглаживаю фольгу, чтобы не осталось ни залома, ни складочки. – И возвращается после того, как с кем-то отдохнул? Так не нужен мне такой мужчина.

– Это клиника, – сокрушается Комарова-старшая. – Называй все своими именами. Отдохнул – трахнул. Так жизнь намного проще.

А дальше мне участвовать в разговоре и не пришлось, девочки сделали выводы, признав Балабаева первостепенным козлом, и совет сестер Комаровых постановил:

– Так! Уже четыре. – Затуманенным взглядом Аня поглядывает на экран смартфона. – Саня стелет нам постель. Сейчас ложимся спать, а утром едем выветривать из твоей головы все херню, что этот недомужик запрограммировал за шесть лет. Поняла?

Да разве можно сейчас спорить? Я согласно кивнула, собирая шуршащие обертки от конфет.

– Аля, ты извини, но там Булочка... – Саша переминается с ноги на ногу, стоя в дверях кухни. – В общем, кажется, я ее перекормила сладким, и ей опять стало плохо. Я все уберу! – пообещала она.

– Надеюсь, не на ковер? – уточнила я.

– Нет-нет! – заверила младшая Комарова. – На вещи Балабаева. Это же его чемодан стоит в комнате?

– Беру свои слова обратно, Сань. Твоя новая псина не так и бесполезна.

Мы окружаем распахнутый чемодан, Булочка старательно изображает чувство вины, уткнувшись мордой в мои ноги.

– Лучше бы на ковер, теперь придется все перестирать, – делаю вывод, глядя на коричневую массу, стекающую по белоснежным офисным рубашкам.

– Еще чего! – Аня с хлопком закрывает крышку чемодана. – Перетопчется.

Глава 3

Алина

– Сань, успокой свою собаку! – недовольно шепчет Комарова-старшая.

– Фу, Булочка! Фу, – Саша одергивает собаку.

– Иди отсюда. – Аня сталкивает Булочку с постели и грозно шикает. – Замолчи, исчадие ада!

С площадки доносятся шаги, громкие голоса, собака не унимается, а одергивание ее лишь подзадоривает. Она бежит к входной двери и продолжает звонко тявкать, подпрыгивая и скребя когтями.

– Вот и выспались, – заключает недовольно Аня, приподнимаясь в постели. – Только половина десятого! Помолчи, – призывает Булочку к совести и кричит в сторону коридора: – Саня! А ты не забыла, что собак нужно выгуливать? Вставай, чудище оставила очередной сюрприз.

Я поворачиваюсь на бок, обнимаю одеяло и прижимаюсь к теплой спинке дивана, на котором мы чудом уместились втроем. Комаровы переговариваются вполголоса. Меня убаюкивают привычные звуки закипающего чайника, льющейся воды в ванной, хлопки створок кухонного гарнитура и холодильника, лишь цокот собачьих когтей по линолеуму выбивается из привычной картины.

– Аль. Аля, мы омлет приготовили и за Булочкой я все убрала. Идем завтракать, – лишь по одной интонации голоса понятно, что это младшая Комарова. Саша присела на край дивана и мягко погладила мое плечо.

– Спасибо, – шепчу я, – вы ешьте, я потом.

– Сорокина! – а это точно Аня, сестер невозможно перепутать, даже когда они молчат. – Мы едем избавляться от комплексов, успешно заложенных твоими родителями и Балабаевым. Будем выходить из зоны комфорта, но с удовольствием. Подъем!

– Вы что, не шутили? – Я приоткрываю глаза. – У меня работа. – Упираюсь взглядом в письменный стол.

– Не до шуток, но тебе придется сесть за руль. Все же выпить бутылку ликера была не лучшая идея. Я помню, у тебя есть права, – Комарова-старшая огорошила меня.

– Я больше года руль в руках не держала, – кажется, выводить из зоны комфорта сестры начали, не успев поднять меня с постели. – Забыла куда и что.

– Прямо как Санька с мужиками, – смеется Комарова-старшая, стягивая с меня одеяло. – Тоже забыла куда и что.

– Аль, едем. – Саша тянет меня за руку. – Тебе нельзя оставаться дома, Витька же придет за вещами. Ты что, хочешь его видеть?

Я отрицательно помотала головой.

– Нет.

– Поэтому нам нужно поторопиться. Завтракай, ищи во-

дательское удостоверение, а мы соберем тебе сумку. – Аня помогает встать и подталкивает меня к кухне.

– Я сама, – я пытаюсь протестовать, но давление на плечи усиливается. – А куда мы поедем? – интересуюсь, потягивая кофе и наблюдая, как мои вещи проходят тщательный контроль.

– В одно классное место. Родители собирались отдохнуть на выходных, но не сложилось. Не пропадать же оплате зря, верно? Бассейн, четыре вида бань, купель, массаж, обертывания всякие, маски, вкусности, пляж у реки. Последнее на тот случай, если мы захотим поднять свои шикарные попы с лежаков. А мы не захотим. Одевайся.

Я с удивлением смотрю на выбранную Аней юбку и крошечный топ. Откуда он у меня? Силюсь вспомнить. Купила после очередной критики моего гардероба со стороны Вити. К топу прилагались короткие шорты – мой смелый наряд для пляжа. Купила, но так и не осмелилась надеть.

– Сорокина, давай я не буду долго объяснять прописные истины, иначе точно сдохну от похмелья. Открытый верх плюс закрытый низ. – Аня демонстрирует на себе, прикладывая топ и юбку в пол. – Закрытый верх плюс открытый низ. Все очень просто, – указала на второй комплект одежды в руках Саши. – Если перепутать, то получится или монашка, или проститутка. Хотя ты права, в длинной юбке будет некомфортно за рулем. Поэтому выбираем шорты и вот эту рубашку.

Я же до последнего момента надеялась услышать: «Шутка, Сорокина, куда тебе за руль?! Отдай ключи и возвращайся домой». Но нет, мои трясущиеся пальцы сжимают автомобильный брелок, а попа ощущает мягкость кожаного сиденья.

– Аль, ключ сюда. – Аня помогает попасть в замок зажигания. – Заводи. Сегодня выходной, машин мало. Потихоньку да доползем.

– А если? Ну, что-нибудь случится... – мямлю, даже примерно не представляя стоимость огромного внедорожника.

Саша склоняется, выглядывая между сидений.

– Папа обо всем позаботился, – говорит она. – Там какая-то страховка, что мы можем гвоздем капот разрисовывать и нам оплатят ремонт.

– Аль, едем. Еще чудище Владу завозить, – в очередной раз торопит Аня.

Я набираюсь смелости и завожу мотор, железный монстр послушно крадется по двору и выезжает на первую полосу.

– Перестраивайся. Здесь можно и больше сорока ехать, – подсказывает Комарова.

– Ань, садись сама, – произношу сдавленно, не отрывая напряженного взгляда от впереди идущего автомобиля.

– Не могу, если еще раз поймают с амбре, отец шкуру спустит.

– Ну тогда помолчи, ты меня только нервируешь, – шепчу

я сдавленно.

Я контролирую дыхание: равномерно и глубоко. Не так все и плохо – навыки не забыты. Ослабляю хватку на руле, расслабляю спину и позволяю себе заговорить:

– Кто такой Влад?

– Влад – это Влад, – Комарова-старшая отвечает без охоты.

– У них любовь. Но Аня не признается ни себе, ни ему, – встречается Саня.

– Так надо. Косарев он... кобель. Проходили, хватит. С такими мужиками можно дружить, даже нужно, для поднятия самооценки. У дома припаркуйся, – указывает на многоэтажку и забирает из рук сестры собаку. – Вернусь через десять минут. Хочу предупредить. – Одной рукой она придерживает дверь, второй вырывающуюся Булочку. – От сплетен появляются прыщи и целлюлит на жопе.

Мы провожаем Аню взглядами. Она оглядывается, грозит нам указательным пальцем и входит в арку. Не сговариваясь, я отстегиваю ремень безопасности и разворачиваюсь к заднему сиденью, а Саша пересаживается поближе.

– Год шикарного мужика маринует. И не отказывает, но и не сближается, держит на расстоянии вытянутой руки. А, главное, никого к нему не подпускает, вот такая странная любовь, – говорит она.

– А он?

– Там тоже все запущенно. Цветочки, подарочки, совмест-

ные тусовки, вечерние звонки с проверкой дома она или нет. Влад все время в шаге от сестры, друзья воспринимают их как пару. Но, – она жмет плечами, – ты сама слышала: «мы друзья».

– Вижу по глазам, все кости мне перемыли. – Комарова занимает пассажирское сиденье. Кивком головы показывает: трогайся. – Чудище нужно забрать завтра, в понедельник утром у Влада самолет.

– Вот видишь, какая крепкая дружба? – смеется Саша. – Какой еще мужик будет терпеть мою сестру, если только он не влюблен. Вот если бы тебе привезли собаку, страдающую расстройством желудка, ранним субботним утром, чтобы ты сказала?

Ответа от меня никто не ждал, сестры продолжили словесную перепалку.

– Я повторяю, это не любовь. Азарт. Желание. Владу впервые кто-то отказал, и теперь он готов хоть стаю уличных собак поселить в квартире, лишь бы я его отблагодарила, – согнув пальцы изображает в воздухе кавычки. – Это я так завуалировала секс, Сорокина. Вот тут сверни, – нервный жест рукой указывает направление. – Поворачивай, чего ты ждешь? – После короткой встречи с «другом» раздражение Комаровой усилилось.

– Я пропускаю мотоциклиста.

– У тебя главная, это он должен уступить дорогу. Повора-

чивай, – настойчиво зудит над ухом. – Ты посмотри, какой упрямый! Не пускай его! – Она дотягивается до клаксона и несколько раз бьет кулаком.

– Ань, ты сумасшедшая? Я же могу сбить его или съехать на обочину! – Сбрасываю скорость.

Черный спортивный байк летит навстречу, заходит в резкий поворот и останавливается. Перекрывает дорогу.

Под визги Комаровых я бью по тормозам и не моргая наблюдаю, как сокращается расстояние между капотом внедорожника и мужчиной, надменно замершим в ожидании.

– Идиот! А потом еще говорят, что женщина за рулем хуже обезьяны с гранатой. Что ты машешь? – прикрикивает Аня и в ответ активно жестикулирует. – Нет, вы видели?

Уверена, что сквозь темное стекло шлема байкер смотрит на меня. Да и куда ему смотреть, как не водителя? Мужская ладонь с глухим ударом ложится на капот внедорожника – от неожиданности я дергаюсь всем телом, впиваясь пальцами в обмотку руля до побелевших костяшек. Байк тут же срывается с места, утробно рыча и набирая скорость.

– Девочки, я уже достаточно вышла из зоны комфорта. – Кажется, что сердце вот-вот выскочит из груди. – Можно вернуться домой?

– Нет, – Аня трясет головой из стороны в сторону, – мы просто обязаны отдохнуть по полной.

Глава 4

Алина

Лишь перед стойкой ресепшена я задаю вопрос, который должен был возникнуть еще на стадии сборов в поездку:

– Девочки, а что мне будет стоить выход из зоны комфорта? Лишних денег у меня нет, вернее, никаких нет.

– С ума сошла?! – Смерив меня недовольным взглядом, Аня демонстративно поворачивается спиной и продолжает оформление.

– Папа все оплатил, – поясняет Саша. – Считай это благодарностью за приют и водительские услуги.

– Учтите, вы не заставите меня снова сесть за руль, – предупреждаю я.

– Сами не пустим. Ты нас чуть не угробила, – ворчит старшая Комарова.

А я теряю дар речи, округлив глаза, покорно бреду за сестрами, прекрасно ориентирующимися на территории комплекса.

– Не обращай внимания, – хихикает Саша, равняясь со мной. – Ты думаешь, что она ворчит?

– Не знаю.

– Влад был не один! – шепчет на ухо. – Аня привыкла появляться у Косарева без предупреждения в любое время

дня и ночи. А сегодня ее не ждали. Вернее, ждали двое: Влад и...

– Целлюлит! – зловеще пропеваёт Комарова-старшая, не поворачивая к нам головы. – Рыхлый, бугристый, сползающий с попы на бедра, нависающий на колени, с фиолетовой капиллярной сеточкой. Что замолчали, страшно? – Сворачивает к одноэтажному домику, громыхая пластиковыми колесиками чемодана. Подходит к двери, прикладывает карточку-ключ. – Правила поведения в этом доме на ближайшие сутки. Первое: никаких упоминаний о мужиках, словно они исчезли с планеты Земля, а лучше – мучительно сдохли. Собственно, это единственное правило. Добро пожаловать в анонимный клуб «Без мужика и жизнь та»!

– Девочки, большое спасибо. – Я блаженно прикрываю глаза.

Разомлевших после бани нас мяли, растирали, разбирали по косточкам и вновь собирали воедино. А в конце двухчасового марафона наслаждений, покрыв теплой шоколадной массой, оставили релаксировать под умиротворяющую музыку, придающую мыслям приятную тягучесть.

Сейчас я была благодарна случаю, подарившему возможность узнать истинное лицо моего мужчины. Бывшего мужчины.

Боль предательства, грубые слова по-прежнему неприятно жгут в груди и собираются горячими слезами в уголках

глаз, но я рада, что случилось именно так и именно сейчас, пока нас с Витей не связывают узы брака или ребенок. Не терпится озвучить мысли подругам, но я помню про обещание, погружаясь в приятную дрему. Первой же нарушительницей молчания и устава клуба становится, собственно, сама создательница клуба:

– Он представил, меня как сестру! Меня! Как сестру! Представляете?

Саша фокусирует сонный взгляд и невинно интересуется:

– Кто, Анют?

– Конь в пальто, – огрызается Аня. – Косарев, кто же еще. Так. – Она неуклюже поднимается с массажного стола. – Мне нужно в город. Влад привел девушку домой – это говорит о его серьезных намерениях. А там мои вещи и Булочка. Друзья же так не поступают. Не подставляют, верно? – Старательно оттирает с бедер подсохшую шоколадную массу.

– Признайся, что ты ищешь повод не оставлять Влада наедине с его новой подругой. И не порть простыню, нужно принять душ, – подсказывает Саша.

– Я вернусь через пару часов! – Комарова выбегает из массажного кабинета, на ходу обмотав вокруг груди полотенце

– Вот дуручка, – смеется Саша. – Душ можно было принять и здесь.

Приятно проведенный день плавно переходит в не менее приятный вечер. Блики алого солнца на глади темной во-

ды; теплый песок, в который я зарываюсь ступнями; медленно занимающийся огонь в огромном кострище, выложенным плоским камнем; пары, танцующие под ритмичную музыку, – все вокруг наполнено жизнью и лёгкостью, мне остается лишь с удобством расположиться на шезлонге и пить энергию безмятежности.

С закатом берег оживает, уже не найти свободный столик или шезлонг, к костру подтаскивают бревна, создавая импровизированные скамьи.

– Аня отписалась, вернется завтра. – Саша протягивает смартфон с открытым сообщением.

– Что-то случилось? – уточняю я.

– Вряд ли. Скорее всего, Косарев привязал Аньку к изголовью кровати и проводит основательную воспитательную работу, или же сестра выследила его новую подружку и сейчас прикапывает хладный труп. Тебе принести что-нибудь? – указывает на столики с алкоголем.

– Нет, спасибо, – отвечаю я.

Пританцовывая, Саша лавирует среди отдыхающих, пробираясь к бару. А мое внимание привлекает парень. Его невозможно не выхватить взглядом из толпы. Высокий, подтянутый, с растрепанными темными волосами, в черных джинсах и черной футболке, из-под ворота и рукавов которой выглядывают замысловатые надписи татуировок.

Легкая небритость, едкая ухмылка на четко очерченных губах и взгляд полный оценивающего превосходства. В ин-

ституте я держалась от таких парней подальше, пока другие девочки провожали их голодными взглядами. Вот как сейчас. Он просто шел к костру, прокручивая на указательном пальце серебряный обод кольца, а внимание почти всех присутствующих девушек сосредоточено на нем. Признаться, за незнакомцем хотелось наблюдать. Каждое движение его тренированного тела было наполнено силой и хищной грацией.

– Ты тоже зависла? – Саша опускается на соседний шезлонг, потягивая коктейль. – Красавчик, – оглашает вердикт, восхищенно выдыхая.

– Да, – признаю, ведь глупо отрицать очевидное.

Он благодарит девушку, принёсшую пиво, и присаживается у костра. Даже такие простые действия завораживают. Парень не пьет, не участвует в разговоре, дожидается момента, когда все отвлекутся на вновь прибывших и выплескивает содержимое стакана под ноги.

Вскидывает голову, прикладывает палец к губам, и я отчетливо разбираю сквозь людской гомон и негромкую музыку:

– Никому не говори.

А движения его губ гипнотизируют. Изгибаясь в порочной улыбке, они дарят мне воздушный поцелуй. До чего же пошло... Но вместо негодования я отвожу взгляд, заливаясь краской смущения. «Что за глупая реакция?», – ругаю себя, отвлекаясь на сообщение мамы.

Читаю обыденные фразы, что используют в переписке, но

не улавливаю их смысла. Вот мама пишет: «Привет», – и следом отправляет желтую рожицу с поцелуем, интересуется моими делами, а я, хмурясь, вглядываясь в буквы, превратившиеся в неизвестные мне иероглифы.

Осматриваюсь. У мангала колдует парень с фиолетовыми дредами, ловко подбрасывая куски мяса и переворачивая сосиски, к берегу спускаются трое парней, волоча сухие ветви к костру. Поворачиваю голову к воде, где темным пятном возвышается незнакомец. Он встал, раскинул руки, размялся... а я борюсь с желанием удостовериться, что смотрит он именно на меня. Только на меня!

«Чем с Витей будете заниматься на выходных?» – простой вопрос вновь ставит меня в тупик. Перечитываю сообщения и набираю ответное.

Парень проходит рядом. Достаточно протянуть руку, и я коснусь мужского бедра. Пальцы замирают над экраном. В голове пугающе путаются мысли. Щелчок зажигалки и сладковатый вишневый аромат наполняет легкие. Я на мгновение прикрываю глаза и возвращаюсь к переписке.

«Я с подругами на пляже. У меня все хорошо. Как твои дела? Как папа?» – отправляю сообщение и кладу телефон на колени.

Меня непреодолимо тянет обернуться, удостовериться что он за спиной, и крохотные покалывания, щекочущие открытую шею, это не плод моего воображения.

«Папа опять заперся в кабинете, а я решила написать те-

бе», – читаю ответ. Я откидываюсь, зажимаю глаза, выравниваю сбившееся дыхание.

Больше не пахнет табаком и вишней, мой слух не улавливает скрип песка, я не выдерживаю и оглядываюсь, чтобы столкнуться с колючим взглядом темных глаз.

Он смотрит. Смотрит не отрываясь, так пристально, что смущение перерастает в страх. Страх и необъяснимое желание.

Телефонный звонок вырывает меня в реальный мир, разрывая нашу связь с незнакомцем.

– Алло, – отвечаю на вызов, возвращая взгляд к парню. Он прикуривает вторую сигарету, глубоко затягивается и выдыхает тонкую струйку дыма.

– Ты где?

Балабаев. Витя не скрывает недовольства, разговаривает со мной, будто он еще имеет право интересоваться, с кем и чем занимаюсь.

– Что ты хотел? – спрашиваю я.

Надеюсь, что хотя бы со стороны выгляжу хладнокровной. Прячусь, прикрывая волосами покрасневшие от волнения щеки. Откашливаюсь, маскируя срывающийся голос.

– Я хотел забрать вещи.

Незнакомец рядом с шезлонгом, присаживается на песок, вытягивая длинные ноги. Его пальцы небрежно прокручивают фильтр, стряхивают пепел и вновь подносят сигарету к губам.

– Чемодан в комнате. Мне некогда разговаривать, – говорю я как можно спокойней.

– Аля, – Балабаев не позволяет разорвать звонок.

– Да, Вить.

Незнакомец не скрывает, что слушает, изредка поглядывая исподлобья.

– Все встало на свои места, Аля. Дело было не в учебе, так? Признай! – Балабаев не повышает тон, но его слова требовательны и нетерпеливы. – Признай, ты хотела разрыва не меньше, чем я? Все время пряталась. Не нашла смелости озвучить свое желание, да, Аля? Я даю тебе свободу. Но учти, что другие мужчины не будут так снисходительны, терпеливы и добры, как я. Не станут ждать.

– Спасибо за предупреждение.

Слушаю откровения, теряя последние капли уважения к некогда любимому человеку.

– Никто не будет терпеть рядом с собой пластиковую куклу: без эмоций, даже не холодную, совершенно никакую. Трахать надувную бабу и то приятней. Она хотя бы на все согласна. Надувную, – повторяет, сомневаясь, что я не расслышала его крик. – Самую дешевую, с торчащими в разные стороны ногами и открытым красным ртом. Понимаешь? Между тобой и куклой из секс-шопа я бы выбрал не тебя!

Я уменьшаю громкость динамика, отворачиваюсь, прикрываясь ладошкой, чтобы ответить:

– Не звони мне больше. Просто заberi вещи. – Сглатываю.

ваю ком. Витя – моя первая и единственная любовь. Слепая. Идеализирующая. И, кажется, за шесть лет я так и не узнала Балабаева, как и он меня. – Загляни в сообщения, – это фразой заканчиваю разговор, ставлю точку. Скидываю фото из ночного клуба, дожидаясь, когда мне приходит оповещение о прочтении, и жму на кнопку выключения телефона, не с первого раза попадая трясущимися руками.

Я кукла... «Куклы не задыхаются от боли, хватая ртом спасительный кислород, – говорю себе, доказывая, что Витя ошибается. – Куклы не желают стереть воспоминания последних дней. Ведь так? Им все равно. А мне нет! Я настоящая! Живая!»

Чужая ладонь обхватывает запястье и тянет, настойчиво поднимая на ноги. Мое тело реагирует нервной дрожью на горячее прикосновение. Я совершенно забыла, что не одна.

Глава 5

Алина

Незнакомец молчит, растирает большим пальцем запястье, словно считывая мой пульс. Наши взгляды скрещиваются, и я не в силах оторваться. Сейчас я готова поверить в гипноз – переплетая свои пальцы с моими, не проронив ни слова, он уводит меня. Оставляя предательство, страх, разочарование и удивленную подругу за спиной. Я не задаюсь вопросом, кто он, как его имя, впервые просто следую за своим желанием, стремясь доказать себе, что я желанна. Что я

красива! Но больше всего – что Балабаев не прав.

Парень останавливается, нас окружают танцующие пары, а мы продолжаем изучать друг друга. Весь мир сводится в одну точку, к одному человеку – незнакомцу с едкой притягательной улыбкой. Пламя костра придает его лицу хищности, заостряя черты, ложась мистическими тенями и яркими желтоватыми бликами в практически черных глазах. Он идеален. Словно сошедший с экрана фильма или рекламного буклета бунтарь – самоуверенный плохиш, знающий цену себе и всем вокруг, с дерзким взглядом, серебристой серьгой в ухе и черными переплетениями татуировок, скрывающимися под одеждой. Сосредоточение мужественности и женского желания.

Любопытство подталкивает скользнуть пальцами под футболку, приподнять ткань и рассмотреть рисунок. Он ловит мой нетерпеливый взгляд, едва уловимо покачивает отрицательно головой и оплетает талию, мучительно медленно притягивая к себе. Первое, что проникает сквозь пелену навajдения – запах незнакомца. Яркий аромат вишни и миндаля, терпкий, с горьковатыми нотками табака – дурманящий разум коктейль.

Места соприкосновения наших тел горят огнем. Бедр... живот... Разве так бывает? Я никогда не верила в химию между мужчиной и женщиной, считая это слабостью, неубедительным оправданием спонтанного секса с незнакомым человеком. Ведь именно так оправдывают себя другие – хи-

мия.

Происходящее кажется нереальным, фантазийным, каким-то гипертрофированным, возведенным в абсолют.

Он делает шаг, начинает наше движение в танце. И я вновь слепо следую, полностью отдаюсь во власть незнакомца. Горячие ладони ложатся на поясницу, без намека на пошлость, и простой танец становится для меня чем-то шокирующим. Острым. Новым. Чувственным и возбуждающим.

Балабаев – единственный сексуальный партнер, я не знала прикосновения других мужчин, кроме дружеских, не позволяла себе интересоваться кем-то еще. В моей жизни им не было места. Ошибочно полагала, что нет разницы между партнерами, а секс – это последовательность механических действий. Я не представляла, что лишь присутствие, мысль о ком-то, фантазия, может скручивать сладким спазмом низ живота, тут же разливаясь жаром возбуждения по всему телу.

Пальцы незнакомца пересчитывают позвонки, скользят по ткани топа, поднимаются до лопаток и распластываются, захватывая все больше моего тела, с легкой болью впечатывают в твердую грудь, вынуждая проглотить рвущийся стон. Чувствительные соски трутся о ткань белья, раз за разом простреливая иглами удовольствия, так неприлично скапливаясь влагой между полыхающих бедер. И мне впервые не стыдно за свои тело. За животное желание. Я хочу быть именно той, кого незнакомец пожирает взглядом. Той, кто

уйдет с ним с пляжа. Той, кто ощутит тяжесть его тела. Той, кто впитает кожей дурманящий аромат вишни и миндаля.

– Твой запах сводит меня с ума, – наконец незнакомец нарушает молчание, заставляя сердце замереть на долю секунды и пуститься в неистовый галоп.

Я не знаю, как реагировать, что ответить. Парень не отстраняется, ведет твердыми губами по щеке, возвращается к уху, спускается по шее, и влажный поцелуй, втягивающий чувствительную кожу, становится для меня откровением. До чего же остро, ярко!

Все движения незнакомца выверены – нет случайных. Меня понимают без слов, словно читая скрытые желания и мысли, за которые еще вчера было бы стыдно.

– Кто ты? – слышу новый вопрос сквозь грохот ударов сердца.

«Я неудачница, потратившая шесть лет жизни на человека, что недостойн и дня».

Он обхватывает мое лицо, удерживает, всматриваясь.

– Кто ты? – повторяет.

Проникновенный шепот. Неестественно горячее дыхание. Пронзительный взгляд, за которым, я уверена, скрывается больше, чем надменность. Тренированное тело. Едкая ухмылка. Все притягивает меня. Для таких, как он, я лишь очередная «галочка», «зарубка» в личном списке побед. Он не попросит номер телефона и не назначит встречи. Скорее всего, завтра и не вспомнит, как я выгляжу. И мне все рав-

но. Впервые в жизни я хочу отдаться мужчине, забыв о морали. Сделать то, что еще вчера себе бы не позволила.

Правой рукой парень придерживает меня за подбородок, заставляя сфокусироваться только на нем.

– Ты мне нужна, – произносит он, вкладывая в объятия силу.

И это не шутка. Таким тоном не насмеются и не соблазняют глупеньких девиц.

«А мне нужен ты», – навязчиво пульсирует в голове. Помоги мне стереть воспоминания нескольких дней. Заменить их на другие: безрассудные, горячие, что будут заставлять краснеть, а в будущем, возможно, сожалеть. Но не сейчас. Не в данную минуту.

Помоги ощутить себя живой. Неидеальной. Грешной. Заглуши мою боль!

Мне не хватает смелости произнести: «Уведи меня!» Слова задерживаются в горле, разливаясь жаром по шее и щекам. Мы продолжаем стоять в окружении танцующих, наши тела соприкасаются настолько плотно, насколько это возможно, а ладонь незнакомца не отпускает, твердо удерживая подбородок. Подушечка большого пальца скользит по коже лица, оставляя горячий след, очерчивает нижнюю губу...

Ну же, Аля, сделай шаг, переступи невидимую черту, произнеси: «Поцелуй!» Узнай, каковы поцелуи другого мужчины. Действительно ли это не просто соприкосновения мужских и женских губ, а пожирающая разум потребность ощу-

тить вкус и жар чужого дыхания? Действительно ли они такие, как ты себе представляешь: продолжительные, не позволяющие отстраниться до катастрофической нехватки кислорода, до дрожи в теле, до легкого головокружения?

– Что-то хочешь сказать? – вибрация мужского голоса проникает под кожу афродизиак, обостря чувствительность до предела.

Вместо неуклюжих слов я тянусь к незнакомцу, цепляясь непослушными пальцами за ткань его футболки, привстаю на носочки и позволяю себе второе безрассудство за вечер: прикасаюсь своими губами к его.

– Еще, – требует парень, отпуская мой подбородок и накрывая широкой ладонью затылок, намекая, что не позволит отказать. – Еще! – повторяет.

Хрипотца в его голосе подталкивает подразнить, скользнуть языком по мужским губам. Твердым, горячим, с привкусом вишни и сигарет.

– Смелее, – шепчет, дерзко врываясь в мой рот, сплетая языки, демонстрируя, что ему нужно.

Поцелуи незнакомца такие же, как и он сам: провоцирующие, пылкие, безумные. Я не слышу своих мыслей, не слышу играющей музыки, смеха, криков, подбадривающего улюлюканья и пошлых освистываний.

Вешу безвольно в объятиях, кончиками пальцев ног едва касаясь песка, но и это ощущение быстро пропадает. Удерживая меня в объятиях, парень обхватывает моими ногами

свои торс.

Несколько его широких шагов, и мы покидаем место вечеринки, незнакомец уверенно прокладывает дорогу в сгущающейся темноте. Я не вижу выражения его лица, лишь изредка ловя желтоватые всполохи в глазах, но слышу свое и его сбивчивое дыхание. Впитываю неестественный жар, доводя себя до предела фантазиями.

Наконец, он останавливается. С того места, где незнакомец опустился вместе со мной на колени, просматривается пляж. Высокие языки пламени костра четко обрисовывают фигуры танцующих: они далеко и одновременно так близко; вода разносит их возбужденные голоса, как и мой тихий стон недовольства.

Незнакомец позволяет потоку прохладного воздуха разделить наши тела, проникнуть сквозь тонкую ткань топа, щекоча разгоряченную кожу сотнями разрядов. Поднимается, выпрямляется в полный рост, нетерпеливо раздеваясь. Черная футболка в его руках превращается в импровизированное покрывало, он стягивает джинсы вместе с бельем, оставляя одежду прямо под ногами. Металлический звон пряжки ремня обжигает предвкушением. Незнакомец продолжает возвышаться, а я блуждаю взглядом, невольно задерживаясь на эрегированном члене. Какая же провокационная и интимная поза – я на коленях перед полностью обнаженным мужчиной. Мое тело и разум во власти незнакомца, но он почему-то не торопится озвучивать свои желания. Что же он

ждет? Или пришла моя очередь раздеваться?

– Сам, – звучит хлестко, приказом.

Мои руки послушно отпускают пуговку на поясе шорт, безвольно повисая вдоль тела. Незнакомец копирует мою позу – припадает на колени. Он не торопится, не спешит. Его горячие ладони ложатся на талию, медленно собирая тонкую ткань топа, обнажая живот и спину, открывая доступ вечерней прохладе. Я приподнимаю руки, помогаю раздеть себя. И вновь парень отстраняется, гладит мое тело своим пристальным взглядом.

– Я не брал «резинки», – предупреждает.

А мне смешно. Зачем он это говорит? Неужели не понимает: я не смогу сказать «нет».

– Я пью противозачаточные, – негромко отвечаю.

– Поверь, с этим точно не будет проблем.

– И я здорова, – добавляю на выдохе.

– Я знаю. – Запускает большие пальцы под пояс шорт, тянет вниз, оголяя по миллиметру моего тела. – Откинись. – Укладывает на постеленную футболку. – Приподними бедра. – Стягивает шорты. Нависая, располагается между моих бедер.

Мои поцелуи скованы. Тело напряжено в ожидании первого прикосновения горячей головки члена. Возбуждение грозит лишить сознания, а чувство новизны – рассудка. Перед глазами расплываются очертания красивого мужского лица, губы незнакомца прекращают терзать мои, разрешая

отдышаться, глотнуть свежего воздуха.

Он переносит вес на одну руку, другой поглаживает бедра, раскрывая пальцами набухшие складки, постыдно истекающие влагой возбуждения. В момент первого неторопливого проникновения, позволяющего привыкнуть к внушительным размерам члена, мой глухой стон и утробное рычанием незнакомца смешиваются в порочный коктейль.

– Ты слышал? – где-то в темноте интересуется женский голос.

– Кажется, тут уже занято, – отвечает мужской, удаляясь.

Шанс быть обнаруженными оголяет нервные окончания, провоцируя незнакомца ускориться, ожесточиться, двигаться врезаясь бедрами до боли, проникать на всю длину. Не сдерживать себя. Клеймить, оставляя болезненные следы.

Секс с незнакомцем – жадность во всем: в одержимых поцелуях, яростных проникновениях, грубых ласках, доводящих до иступления. Мне хочется плакать и кричать одновременно. Так вот как может быть, когда действительно вожделеешь мужчину. Я не знала, что такое настоящее наслаждение: не знала об оргазме, скручивающем бедра продолжительной дрожью; о неконтролируемых столах, за которые не испытываешь стыда; о желании повторить, еще чувствуя пульсацию мужского члена в себе.

Футболка незнакомца сбилась под моими бедрами, и я лежу на голом песке, ощущая лопатками скомканную ткань.

– Боже, – произношу одними губами, впиваясь в исси-

ня-черное небо над головой с миллионами ярких вкрапленных.

– Можешь так и называть, я не против, – произносит парень насмешливо, прикуривая сигарету и откидываясь на спину. Голос приятный, с легкой хрипотцой, по тону понятно, что его хозяин доволен собой.

Спускаюсь взглядом от мужского профиля по груди, впа- лому животу и длинным жилистым ногам. Никогда бы не подумала, что у меня может быть что-то с подобным ему. Я же видела какими многообещающими взглядами одаривали его девушки. Яркие, уверенные, в броской одежде...

– Что-то не так? – интересуется, выдыхая дым с нотками вишни.

И что мне ответить?

Черт побери, Аля, да ты только что переспала с парнем, после двадцати минут знакомства! Ответь, что все нормально, а в идеале – отлично.

Я же не пила алкоголь и не употребляла наркотики. Как я могла?! Возможно, он мне что-то подсыпал? И, не подумав, я озвучиваю эту мысль.

Незнакомец подносит сигарету к своим губам, затягива- ется, в его темных глазах опасно поблескивает желто-оран- жевый огонек.

Замечательно, помимо того, что ты переспала с незнаком- цем, теперь ты его в чем-то обвиняешь. А если он псих?

– Ты не подумай, что я тебя обвиняю, – испуганно зале-

петала я, вытаскивая из-под спины футболку и протягивая ее владельцу. – Просто... просто подобное со мной впервые.

– Что именно?

Ну зачем неудобную ситуацию он превращает в катастрофически неловкую?!

– Подобное.

– М-м-м? – затягивается вновь.

– Секс с человеком, имени которого я даже не знаю, – выпалила и точно залилась краской. Щеки и шея полыхали. Я подтянула ноги и обхватила себя руками, пытаясь хоть как-то защититься от прохладного ветра и невыносимо пристального взгляда.

Он затушил сигарету и кинул окурочек куда-то в темноту.

– Никита, – протянул раскрытую ладонь. – Можно просто

Ник.

– Аля, – ответила сдавленно, сжимая мужские пальцы. – Я, наверное, пойду. – Оглядываюсь в поисках одежды.

Мужские пальцы плотно обхватили мое запястье.

– Это вряд ли.

Глава 6

Алина

– Это вряд ли, – произносит парень грубо. Перехватывает мою вторую руку, тянет на себя. – Теперь ты только моя! – рычит, распластывая мое скованное страхом тело на своей твердой груди. – Моя рабыня! Если будешь покорной, разрешу жить в своей комнате, а не в сыром подвале.

Мужская хватка буквально каменеет, не позволяя двинуться с места.

– Но... я! – дергаюсь, стараюсь подняться на ноги. – Я... – заикаюсь. – Меня ждет подруга. Если я в ближайшее время не вернусь, она будет искать. Саша видела, как я ушла с тобой!

Попытки угрожать парень встречает раскатистым смехом. А я жалею, что назвала свое настоящее имя, так еще и Комарову подставила.

– Успокойся, паникерша. Вот черт! – шипит, размыкая объятия. – Бить-то по яйцам зачем? Больно же.

Я подскакиваю, шаря ладонями по песку в поисках одежды, подхватываю шорты, цепляюсь ногой за футболку, чуть не упав носом в песок.

– Да стой же! – Ник вскакивает на ноги, ловит меня, вновь заключая в свои объятия. Его ладонь накрывает мой рот, ли-

шая возможности закричать. – Успокойся, – шепчет на ухо. – Я пошутил. Пошутил, поняла? Пошутил, – повторяет вкрадчиво. – Сейчас тебя отпущу, но ты хорошенько подумай перед тем, как бежать сломя голову. Завтра твоей шикарной задницей будет пестрить весь интернет. Одевайся. – Ослабляет хватку и отнимает руку ото рта.

– Подобным не шутят! – зло выдыхаю я.

– В моей семье еще и не так шутят. – Он скачет, стряхивая с себя песок. – Ты одеваться собираешься? У нас еще много планов на ночь.

– У нас? – Я крепче прижимаю футболку и шорты к груди.

– А ты здесь видишь кого-то еще?! – изумленно переспрашивает, раскидывая руки. – Или решила воспользоваться мной и свалить? – Натягивает джинсы.

– Я?

– Ну а кто? Я? У меня нет привычки сбегать через пару минут после секса. Смотри. – Он что-то ищет в карманах джинсов, подходит, протягивает ладонь и ослепляет ярким фонариком телефона. – Рокотов Никита. – Подносит ближе к моему лицу водительское удостоверение. – Сфоткай, отправь подруге, если боишься, что я тебя съем.

– И отправлю, – отвечаю я с вызовом. Ведь именно так маньяки и делают: притупляют бдительность, вызывают чувство неловкости и стыда у своей жертвы.

– Да пожалуйста. – Ник кладет водительское удостоверение на ком обьятой мной одежды. – Телефон возьми. – В

двух шагах от нас незнакомец, обретший имя, находит мой смартфон. – Беглянка-неудачница. Я жду. Отправляй фото.

– Что ты делаешь? – Я продолжаю глупо тарашиться на парня.

– Отряхиваю песок, – отвечает так просто, словно он обязан мне помогать. – Ты будешь подруге писать или нет?

– Буду.

Никита проходится по моим плечам, спускаются по спине, попе, ногам.

Перехватив вещи, стараясь не обращать внимания на мужские руки, гуляющие по моему телу, я делаю фото и отправляю Комаровой.

– Отлично. – Стоит выключить экран смартфона, как Ник убирает водительское удостоверение в задний карман джинсов. – Что ты еще не делала? – Выхватывает мои шорты, присаживается. – Ногу подними. – Вскидывает голову, ожидая, когда я соображу, что делать. – Вторую. – Я изумленно тарашусь на парня. Он медленно поднимается, одевая на меня белье, повторяет то же самое с шортами и переспрашивает: – Так что ты еще не делала в своей жизни? Я помогу наверстать.

– Так сразу и не скажу.

«Я еще та оторва», – смеюсь над собой. Пару недель назад послала Жабу Васильевну в жопу, но про себя. Будет большим подвигом, если я не отвернусь от парня, надевая топ.

– Алкоголь?

– Пила.

– Ого, может быть, и наркотики? – Ник не скрывает на-
смешку, выбивает из пачки очередную сигарету.

– Нет.

– Черт, зажигалка выпала. – Крутится вокруг своей оси
в поисках, вглядываясь в темноту. Я вижу лишь очертания
своих ног в темноте, а он безошибочно находит кусок чер-
ного пластика. – Сигареты? – Прикуривает и затягивается.

– Нет, не пробовала. – Я смелею и надеваю топ.

– А хочешь? – Ник подходит вплотную, выдыхая в сторо-
ну сладковатый вишневый дым.

– Да.

Длинные пальцы ловко разворачивают сигарету, подносят
к моим губам и тут же убирают.

– Нельзя.

Вместо темного фильтра моих губ касаются мужские губы
с привкусом вишни и табака.

– Это тот максимум, на что ты можешь рассчитывать. Где
твоя обувь?

Ник присаживается на землю, зажав сигарету зубами,
шнурует кеды.

– Осталась у лежака, – отвечаю я.

– Нужно забрать. И сменить шорты на джинсы. – Парень
встает, закидывает руку на мое плечо, по-хозяйски притяги-
вает к своему боку и ведет к костру, откуда слышатся музы-
ка и смех.

– Зачем? – интересуюсь я.

– Буду учить езде на байке, раз с автомобилем у тебя не ладится. Ты же никогда не управляла байком? – Делает последнюю затяжку и отбрасывает окурок. – М-м-м?

– Так это был ты?! Ты был на перекрестке? Разве так можно поступать? Я, – толкаю парня в бок, – я же могла сбить тебя! Покалечить! Никогда бы себя не простила, – завожусь сильнее, глядя на спокойствие, даже безразличие, с которым парень слушает мои возмущения. – Что ты улыбаешься?

– Ничего, – он жмет плечами. – Смешная. Переодевайся, я подожду тебя здесь, – указывает на бревно у костра. – Уверен, в номер ты меня не пригласишь.

– Нет, не приглашу.

– Джинсы, закрытая обувь. Поняла? Жду. – Ник выпускает меня из объятий.

– Возможно, не стоит так часто курить? – я задаю вопрос, что не должен меня волновать. С чего я вообще решила, что могу ему указывать?

Парень хмыкнул, но пачку закрыл и примирительно поднял руки.

– Решаешь, возвращаться или нет? – читает мои мысли.

– Да.

– Учти, через десять минут я отправлюсь на твои поиски, Аля. – Он присаживается на бревно, лениво вытягивая ноги.

Я торопливо поднимаюсь по ступеням, ведущим к комплексу, периодически поглядывая за спину. Ник действи-

тельно ждет, подняв голову к небу, подергивает ногой в такт музыке. Он смотрится органично в атмосфере вечеринки. Своим. Завсегдаем.

«Вернусь», – решаю я для себя.

Саша оставила ключ от домика на ресепшене, сбежав на какую-то частную вечеринку. А мне нужно ускориться, Ник дал десять минут, и я уверена, что он действительно будет искать, хоть и обыграл сказанное шуткой.

Быстрый душ, волосы, собранные в пучок, джинсы, кроссовки, рубашка, немного наличности, телефон... и шальная улыбка на моих губах. Это самое странное свидание в моей жизни. Впервые все наоборот: секс, а уже после знакомство. Улыбка сходит с лица, когда мысли касаются Балабаева буквально на пару секунд, но тут же возвращаются к парню в черных джинсах, с сигаретой, зажатой уголком губ, и колючим взглядом.

– М-м-м... – Ник ожидает у спуска к пляжу. – Могла бы позвать с собой, я бы тоже не отказался от душа. – Обнимает, утыкается носом в шею. – Если я спрошу, принимала ли ты когда-нибудь душ с мужчиной, то уверен, ответ меня не обрадует. Я бы точно не упустил такой возможности. – Проходится языком по чувствительной коже. – Молчишь? – Прикусывает и шепчет раздраженно: – Мне нравится, что ты не лжешь.

Я застываю, слушая гипнотизирующий голос, подставляя шею мужским губам.

– Знаешь, я передумал. Я тебя съем! – Поднимается влажными поцелуями к губам. Объятия становятся осязательнее, губы требовательнее, и я вновь плыву в каком-то дурмане, совершенно забыв об окружающих, о морали. – До чего ты же вкусно пахнешь, – голос Ника хрипловат.

– Цветочный гель для душа, – я глупо поясняю.

Я не привыкла к подобным комплиментам. Мне говорили, что я красива, умна, хорошо воспитана, но все это не идет в сравнение с простыми и пугающими словами парня, в каждом звуке которых слышится неприкрытое желание.

– Не-е-ет, – тянет Ник, не выпуская меня из объятий. – Я говорю про твой запах. Запах твоего желания, Аля, – шепчет, щекоча дыханием ухо.

И тело вновь меня предает.

Близость Ника действует наркотически, стоя в душе, я обдумывала возможности вернуться в домик, если мне вдруг что-то не понравится, а сейчас – готова на любые безрассудства. Тревожные мысли, правильно ли я поступила и поступаю сейчас, растекаются, превращаясь в бесформенную лужицу. Разум отключается, концентрируюсь на желаниях: смелых, даже постыдных.

– Так мы не уйдем с этого пляжа, Аля. – Он отстраняется, перехватывая мои ладони, бесконтрольно блуждающие по его груди. – А я обещал прокатить тебя на байке. – Переплетает свои пальцы с моими.

– Ты обещал научить управлять мотоциклом, – я откаш-

ливаюсь и справляюсь с дрожью в голосе.

– Соврал. – Мы сворачиваем к стоянке. – Но разрешу подержаться за руль, – произносит интимно.

Мое лицо вновь обдаёт жаром, кажется, рядом с Ником смущение не проходит, а ему доставляет удовольствие дразнить меня. Он ведёт к отдельной стоянке, отделённой шлагбаумом.

– Красавец, не находишь? – Парень любовно гладит полированный металл топливного бака. – Проведи ладонью. Вы друг другу понравитесь. – Не перестаёт улыбаться, прикладывает мои пальцы к холодному металлу, направляет, скользит вверх и вниз. – Я же говорил. Ты ему понравилась, – подмигивает.

Достает ключ из кармана джинсов, заводит, тишину разрывает рокочущий звук: хищный, будоражащий, а по пальцам и ладони пробегает вибрация.

– Прокатимся. – Ник седлает байк и сдвигается чуть назад. – Садись, я же обещал. – Хлопает по черной коже сиденья. – Просто перекидывай ногу. – Помогает мне. – Клади ладони на руль. – Сдвигается. Моя спина горит от неестественного жара. В легкие проникает пьянящий мужской запах. – Ноги сюда поставь. Умница. – Прижимается щекой к моей щеке. – А теперь немного на себя. – Накрывает ладони своими. – Не бойся, я все контролирую.

Нет дикой скорости, мы катимся к выезду со стоянки, мои ладони просто лежат на руле байка, но тело пронзает пьяня-

щее возбуждение, лихорадочное, дикое чувство свободы и бунтарства.

– Хочешь прокатиться по шоссе? – Мужская щека царапает щетиной.

– Да! Или опять нельзя?

– Пересаживайся и надевай шлем.

Я беспрекословно выполняю указания.

– Держись крепче. – Ник обхватывает моими руками свои торс, скрещивает их на животе. – Скажи, если станет страшно.

Байк трогается, смело, с утробным урчанием, а я стискиваю объятия, вцепляясь мертвой хваткой и прижимаясь, лишая Ника движений. Грудная клетка парня трясется, а мышцы живота сокращаются от смеха, я вижу его улыбку, когда он мельком смотрит через плечо. Ускоряется, а меня оглушают удары собственного сердца. «Быстрее», – я мысленно подгоняю и нетерпеливо хлопаю ладонью по животу парня, он обеспокоенно оглядывается, сбрасывает скорость, а я трясусь отрицательно головой, барабани кулачком.

Ник понимает правильно, выезжает на трассу, прибавляя скорости, лавирует в редком ночном потоке. Адреналин моментально впрыскивается в кровь, хочется раскинуть руки и визжать от восторга, но я смотрю вперед. В точку, где линия горизонта смешивается с редкими встречными огнями и красными огнями задних фар и теряется в темноте.

Совершенно нет страха. Восхищение, эйфория, адрена-

лин наполняют меня возбуждением. Первобытным, жарким. Мои пальцы ныряют под мужскую футболку, касаются напряженных мышц живота, проводят вдоль впадин, слегка царапая кожу. Еще вчера я не позволила бы себе секса с незнакомцем, не села бы с ним на мотоцикл, но сегодня я словно другой человек, который не жил, не рисковал, не решался на сумасбродства.

Скорость байка стремительно падает, нас ощутимо трясет при съезде на грунтовую дорогу, резкое торможение, и я впечатываюсь в мужскую спину.

Рокочущий звук мотора исчезает, гаснет фара – единственный источник света за плотной листвой кустарника, отделяющей от шоссе.

– Что-то случилось? – интересуюсь я, снимая шлем.

– Угу. Сейчас будет обучение технике безопасности. – Меня стаскивают с мотоцикла и тут же впиваются грубым поцелуем. – Нельзя отвлекать водителя, Аля. – И вновь поцелуй. – Со мной ничего не будет, максимум поваляюсь пару дней под системой. – Он злится, удерживает меня за подбородок, в его глазах отражается скудный лунный свет.

– А со мной что будет?

Недовольное рычание служит ответом на глупый вопрос.

– С огромной вероятностью тебя может и не быть.

Меня нетерпеливо разворачивают спиной, мужские пальцы с бедер медленно, но уверенно скользят вверх, пробегают по линии пояса джинсов и ловко подцепляют пуговицу.

– Я больше не буду, – я произношу слова по инерции, думая лишь о жаре мужского тела, окутывающего в кокон.

– Конечно, не будешь, иначе мы так и не доедем до клуба, делая вынужденные остановки на воспитательный процесс.

Звон пряжи ремня, шелест ткани, низкий мужской смех, пара резких рывков – и мои джинсы вместе с бельем приспущены до колен.

– Упрись руками. – Мужская ладонь настойчиво прокатывается по моей пояснице, вынуждая склониться. – Выше. – Мои руки перемещаются с сиденья на бак, и я задыхаюсь от накативших ощущений. Ник проникает без предупреждения и ласк, одним толчком выбивает из моих легких воздух, а из груди стон. Его движения резкие, грубые, жадные, словно и не было безумного секса на пляже. Низкие мужские стоны перемещаются отчетливым рычанием.

– Ты сведешь меня с ума, – шипит сквозь зубы. – Чер-р-рт.

С каждым толчком влажные ладони соскальзывают по глади металла, Ник и не думает останавливаться, уменьшая амплитуду и ускоряясь. А по моим щекам текут непрошеные слезы. Я впервые безмолвно плачу от понимания, что я по-настоящему желанна, что я могу лишиться мужчину выдержки. Впервые плачу от удовольствия слышать его сдерживаемый низкий стон; от оргазма, накрывающего мощной волной, до мелких белых мушек перед глазами.

Сколько еще «впервые» будет с этим мужчиной?!

Глава 7

Алина

– Куда мы приехали? – я задаю совершенно очевидный вопрос, после тридцати минут проведенных в дороге. И получаю не менее очевидный ответ:

– В стрип-клуб. – Ник помогает слезть с мотоцикла. От непривычно долгой езды и бурного секса мои ноги превратились в вату, а бедра напоминали о себе тянущей болью. – Хочу продать тебя в сексуальное рабство. Тебя обучат танцам и будут продавать любителям потешить свое самолюбие покупкой красивой девушки.

– Не смешно, – фырчу я, поправляя помявшуюся от объятий рубашку.

– Прогресс. – Парень попытался привести в порядок волосы, растрепавшиеся после поездки, и широко улыбнулся. – Поняла, что это шутка.

– Серьезно, мы идем смотреть стриптиз?

Женский неоновый силуэт рывками изгибается на кроваво-алом шесте.

– Лучше. Мы сами станцуем.

– Шутишь, – произношу я уверенно, но тут же переспрашиваю: – Это же шутка?

Ник улыбается, неторопливо вытягивает из пачки сигаре-

ту и прикуривает, не сводя с меня глаз.

– А ты когда-нибудь бывала в подобном заведении? – интересуется, приподнимая правую бровь.

– Нет.

– Зря. Я вполне серьезно, не нужно на меня смотреть, словно я какой-то озабоченный, или ты никогда не любовалась чужим телом?

Я открыла было рот, желая возразить, но тут же его захлопнула. Буквально пару часов назад я с наслаждением наблюдала за движениями и грацией Ника.

– А сегодня выступает моя племянка, – произносит гордо. – Мужики от нее с ума сходят. Столики бронируют за месяц.

– Ты точно извращенец, – произношу я, не подумав.

Прикуси язык, Аля, дразнить малознакомого человека может быть опасно, как бы ни был он обаятелен, а стоя перед заброшенным зданием в промышленной части района – совсем глупо.

Ник заразительно смеется.

– Во-первых, Элька совершеннолетняя, если ты вдруг подумала, о девочке лет тринадцати. Во-вторых... А что я тут распинаюсь? Пошли, сама все увидишь.

Он тащит меня ко входу, у двери желающих войти не больше десятка.

– Не знаю, что ждут. Здесь строго по приглашениям, – комментирует Ник.

– А как же пропустят нас? – интересуюсь я.

– С радостью и широкой улыбкой. – Он швыряет окурок за спину и демонстрируя белые зубы.

Парень уверенно ведет меня к черной железной двери, стучит, сотрясая глухими ударами ладони, и поднимает голову к камере, изредка мигающей красным.

Следует щелчок, скрежет, словно петли двери никогда не знали масла.

– Вечер добрый, – отзывается охранник. Широкоплечий, мощный, не такой высокий, как Ник, но чтобы взглянуть на его безэмоциональное лицо, мне приходится задирать подбородок. – Добро пожаловать. – Отступает, пропуская.

– Ну вот, а ты боялась. Насчет широкой улыбки я, конечно, погорячился.

Я не слушаю, следую за парнем на звуки музыки и яркий мерцающий свет в конце длинного темного коридора.

Пол тускло подсвечивают старые лампы, закрытые в металлических корпуса, но и их света достаточно, чтобы рассмотреть обшарпанные стены с трещинами, выкрашенные в темно-зеленый. С двух сторон изредка зияют черные дыры проходов в какие-то помещения, обдает потоком влажного спертого воздуха, отчего вдоль позвоночника бежит холодок.

Ника ничего не смущает, с каждым шагом улыбка на его лице делается шире, движения развязнее, он подергивает в такт ритмичной музыке головой.

– Смотри под ноги, – дергает на себя.

– Господи... – Я вглядываюсь в темноту провала. – Разве можно оставлять дыру в полу?

– Тут неглубоко. – Он отпускает мою руку и шагает в темноту, равняясь со мной ростом. – Но круто же! – Стаскивает к себе.

– Круто переломать ноги? – Я пытаюсь выбраться, не прося о помощи.

– На моей памяти, ноги всех посетителей остались целыми, – хохочет, выпрыгивая и вытягивая меня с такой скоростью и легкостью, что я не успеваю и пискнуть. – Тебе не идет брюзжать, Алька. – Целует мимолетно в губы. – Ты пока думай, что будешь пить. Сегодня ночью я решил тебя споить.

К нашему появлению словно тщательно готовились и ожидали. С громкими аккордами музыки Ник вводит меня в огромное помещение, под завязку набитое людьми. Прожектора и точечное яркое освещение ослепляют, дезориентируют, сбивают с шага. Музыка вибрирует в теле, я зажмуриваю глаза, промаргиваюсь.

Мы пересекаем зал, идем к противоположной стороне от входа.

Ник надавливает мне на плечи, усаживая на угловой диван перед маленьким столиком. Мы находимся на возвышении, зал оказался огромным цехом. Я не представляю, что могли здесь производить или собирать, но с высокого потолка свисает множество металлических крюков на цепях и тол-

стых балок, закрепленных все теми же цепями. Десятки девушек, раскачиваются, ловко балансируя на балках, взбираются по металлическим звеньям и изгибаются в причудливых позах.

Ник падает рядом со мной.

– Что ты будешь? – кричит на ухо, обнимая и притягивая к себе. – Шампанское?

Я ошарашенно озираюсь, блуждая взглядом по танцующим. Мужчины, женщины. Невероятно красивые и притягательные, словно я попала на съемочную площадку голливудского фильма или в другой мир. Идеальный. Без изъянов.

– То, что у них, – кричу в ответ, указывая на столик справа от нас. Девушки с неподдельным удовольствием, прикрывая глаза и облизывая после каждого глотка губы, потягивают темный напиток.

Ник качает головой и дублирует отрицание словами:

– Тебе не понравится. Я закажу сам.

Он поднимается из-за стола, прыгивает с возвышения, не утруждая себя спуском по ступеням.

До чего же гармоничны его движения: сбалансированы, уверены, хищны.

Ник вскидывает приветственно руку, кивает, улыбается. Кажется, здесь его знает каждый. Тут же налетают девушки в ярких сценических костюмах, состоящих лишь из крохотных трусиков и массивных украшений на шее, чуть прикрывая верх груди, гордо демонстрируют острые соски, обнима-

ют парня, чмокают в щеку и так же быстро разбегаются под его игриво-недовольным взглядом.

Хочется откашляться, спустить несуществующие очки на кончик носа и поинтересоваться у себя: «Ну как тебе, Али-на Васильевна? Есть что-то общее с твоей привычной суб-ботой?»

– Секс на пляже. – Игриво улыбаясь, парень протягивает высокий бокал.

– Спасибо. – Я изображаю если не скуку, то хотя бы нотки безразличия к происходящему вокруг. А самой подмывает рассмотреть всех и каждого. Никогда не встречала такое множество колоритных людей в одном месте. Но, справедливости ради, стоит заметить, я нигде и не была. Учеба, Балабаев, поездки к родителям или на природу – главные развлечения последних шести лет. – А ты?

Ник вскрывает бутылку с газированной водой.

– Алкоголь и я несовместимы. И я за рулем. – Он приподнимает бутылку в ожидании. Звон стекла поглощает музыка. – Вкусно? – интересуется, пробуя коктейль с моих губ.

– Да, спасибо. – Алкоголь пикантно горчит на языке и разливается теплом по пищеводу.

Ник не перестает улыбаться, по-хозяйски обнимая меня, запрокинув голову на спинку дивана и наблюдая за «летающими» девушками.

– Неплохо Элька придумала, да? Отличное место получи-

лось. Далеко мелочь пойдет.

– Так это ее заведение, твоей племянницы?!

Я действительно попала в другой мир, где девушка, едва перешагнув границу совершеннолетия, организовывает и открывает клуб. Сколько ей, восемнадцать, девятнадцать?

– Угу. Самостоятельности мышка хочет, с системой борется. Угостишь ещё?

Я делаю очередной глоток, и Ник проходится своими губами по моим, собирая терпкие капли напитка.

– А вот и она.

Прожектора отключаются, погружая помещение во мрак. По коже бегут мурашки предвкушения. Звон цепей где-то над головой и торопливый цокот каблучков... Все стихает. Остается лишь оглушающее сердцебиение и жар мужского тела рядом.

Одинокий луч света прорезает мрак, и я приоткрываю рот.

– А ты думала обо мне, как об извращенце. Крышесносно же.

Девушка танцует в полной тишине, сотни людей не смеют произвести и звука: не пьют, не гремят стеклянным дном бокала о металлическую столешницу, не переговариваются и не отвлекаются на телефонные звонки. Я отчетливо слышу свое дыхание и шумное дыхание Ника.

А для нее не существует гравитации, она словно воздушный поток, обтекающий препятствия, изредка замирающий

в позах, подчеркивающих идеальную фигуру. Миниатюрная, уменьшенная копия куклы Барби. «Кукла», – я горько хмыкаю, вновь вспоминая о Балабаеве.

Представление о танце в стрип-клубе как о чем-то обратном, не имеющем ничего общего с искусством, рассыпается на сотни осколков. Племянница Ника не обнажает свое тело, не замирает в провокационных позах, она наслаждается. Наслаждается собой, своим телом, обожанием и желанием присутствующих, что витает в воздухе.

Мне удастся рассмотреть холодный блеск неестественно голубых глаз за плотной черной маской, скрывающей ее лицо.

Девушка также незаметно исчезает, как и появляется. В один момент. Еще некоторое время в помещении сохраняется тишина, и шепот превращается в гул и аплодисменты.

– Понравилось? – спрашивает Ник.

– Да! – Я присоединяюсь к всеобщим овациям.

То тут, то там мужские и женские выкрики, зрители просят повторить, кто-то интересуется, не видели ли окружающие, где скрылась танцовщица. Музыка понемногу набирает обороты, танцпол активно наполняется, возвращая гостей к прежнему веселью.

– Привет! – с громким радостным криком девушка поднимается к нашему столику, раскидывает руки и налетает на Ника. – Почему не предупредил, что приедешь? Пропала моя конспирация. – Переводит взгляд от парня ко мне. – Я

сказала отцу, что буду у тебя. Приве-е-ет, я Эля. – Я оказываюсь в крепких объятиях. – Кто она?

– Беглянка-неудачница, – Ник мне подмигивает.

– Не хочешь – не делись, – задорно отвечает Эля. – Я, возможно, еще вернусь, нужно отметить перед папá, – протягивает на французский манер. – Развлекаетесь, детки! – Звонко хохочет и скрывается в толпе.

– Смерч. – Ник улыбается, провожая миниатюрную женскую фигуру взглядом. – Предложение о танце еще в силе. – Поднимает взгляд к танцовщицам, вернувшимся на свои места.

– Я пас.

– Мало выпила, – заключает он, глядя на полупустой бокал.

– Ты же несерьезно? – я интересуюсь настороженно. – Поверь, я и физические нагрузки – вещи совершенно несовместимые.

– Это легко исправить. – Музыка на мгновение стихает. – Нужны систематические тренировки, – шепчет на ухо. – Я готов выступить в роли личного тренера. – Парень хитро улыбается, блуждая по моему лицу взглядом, задерживается на губах, спускается к шее, сглатывает, и его лицо становится серьезным. – Ты будешь допивать?

– Нет.

Ник вновь увлекает меня за собой, рассекая танцующих своим телом, прокладывая нам дорогу к выходу. Он непри-

вычно молчалив. В его движениях резкость. Помогает надеть мне шлем, садится на байк и ожидает.

– Мы возвращаемся, – наконец поясняет свои действия. – Здесь больше не на что смотреть.

Дорога к базе отдыха пролетает так быстро, словно кто-то включил ускоренную перемотку кадров.

С первыми лучами солнца, разбавляющими непроглядную темноту серым, в груди поселяется тревога и необъяснимая тоска, заставляя плотнее прижиматься к мужской спине и сотрясаться мелкой нервной дрожью.

– Замерзла? – спрашивает Ник.

Шаги по гравийной дорожке разрезают в предрассветную тишину.

– Да, – я вру, останавливаясь у развилки, ведущей к нашему с Комаровыми домику.

– Мы идем ко мне. – Хватка мужских пальцев каменеет на запястье.

Наваждение продолжается, но я уверена, мистика ночи скоро сойдет на нет, и мы вряд ли пересечемся еще хоть раз.

Сегодня жизнь разделилась на до и после. Я никогда не смогу вернуться в отношения, подобные прежним. Ровные, отрешенные. Практически статичные, без страсти. Без сумасбродного желания обладать человеком здесь и сейчас. Отношения, в которых медленно погибают оба. Но в данный момент я тону в черноте взгляда, задыхаясь от нехватки воздуха, отвечая на пожирающие поцелуи Ника, ощущая жар и

тяжесть тела, оплетая его торс ногами.

– Не закрывай глаза. Смотри на меня. – Ник не спешит, наслаждается каждым проникновением, как и я. В отличие от его нежных, даже бережных прикосновений, взгляд безумен, резок и дик. Мужские губы впиваются в мои и тут же разрывают поцелуй, чтобы в очередной раз, оскалившись, прошептать:

– Аля, не закрывай глаза.

И вновь «впервые». Впервые в моей жизни прощальный секс. Тягучий и сладкий, но с примесью горечи расставания.

– Я отвезу тебя. – Он пеленает меня в объятия и закрывает глаза.

«Эта ночь останется приятным приключением», – решаю для себя. Мне не хочется разрушать воспоминания неловкостью утреннего пробуждения.

Мужское дыхание выравнивается, вдохи реже и глубже, Ник бормочет, переворачивается с бока на спину и раскидывает руки. Я боюсь лишних движений, малейшего шороха, нахожу и надеваю мужскую футболку, собираю свои вещи с пола, вздрагиваю от оглушающего щелчка замка и разрешаю себе обернуться, перед тем как плотно закрыть дверь.

Глава 8

Ник

Пробуждение было резким, вырывающим из сна в явь выбросом адреналина. Такое чувство возникает, когда рядом хищник. Тот, кто представляет опасность. Тот, кто заведомо сильнее. Зверь внутри вскидывается, скалится, как и сейчас... Я обвожу взглядом крохотную спальню. Ничего... никого.

–Аля! – Я поднимаюсь на локтях.

Подушка смята, постельное белье хранит ее запах, но уже не хранит тепло. Подскакиваю, в три шага достигаю ванной, ответ мне известен: Али нет. Ее нет ни в спальне, ни в ванной, ни в гостиной домика. Она ушла. Сбежала, пока я спал.

Зверь в бешенстве. Впервые так резко реагирует на расставание с партнершей, тянет куда-то, мечется из стороны в сторону. Требуется вернуть. Найти.

Человеческая же половина в растерянности. Я на ходу натягиваю штаны, одновременно заталкивая босые ступни в кеды.

– Черт! – Шарю ладонью под кроватью в поисках футболки. Приходится в спешке надевать кожаную куртку на голое тело.

Часы у входной двери показывают без пяти одиннадцать.

– Спящая красавица, – рычу себе под нос.

Растерянность и злость наполняют меня. Коктейль эмоций, что не позволяет мыслить здраво.

Мечусь между домиками, где предположительно останавливалась девушка. В двух тишина, в третьем мужские голоса и лишь четвертый встречает меня ее запахом.

– Не убрано, обратитесь к администратору, – раздается женский голос за спиной.

– Когда съехали гости? – Я поворачиваюсь к уборщице, не выпуская из рук еще влажного полотенца.

– Эм... – Женщина в форменной одежде комплекса задумывается и жмет плечами. – Обратитесь к администратору, – повторяет заученную фразу.

Воскресное утро, у ресепшена столпотворение – до одиннадцати время выезда. Я прохожу за пустующую стойку, девушка-администратор поправляет крохотный бейдж с надписью «Наталья», обеспокоенно вскидывает голову, узнает меня и тут же улыбается.

– Доброе утро, господин Рокотов.

– Взаимно.

Под любопытными взглядами гостей комплекса я открываю вкладку с программой учета и вбиваю номер «пятнадцать». Машина чувствует мое «благостное» настроение, экран, издеваясь, мерцает и, недолго думая, программа зависает, раздражая надписью: «Потеря соединения». Я склоняюсь к монитору, рычу, тысячу раз щелкая кнопкой мыши,

и в довершении бью ладонью о столешницу.

– Что-то подсказать? – вежливо интересуется Наталья.

– Мне нужны фамилия, имя, отчество и контакты жильцов пятнадцатого домика.

– Минутку, – отвечает она сквозь искусственную улыбку. – Какие-то проблемы? Вызвать охрану? – Проворно щелкает по клавиатуре.

– Нет.

Я рывком вытягиваю лист из принтера, еще не закончившего печать. Пробегаю глазами по списку: Комаровы Александра и Анна. Точно, близняшки. Помню двух брюнеток, обратил внимание. Спускаюсь к третьей строчке: Сорокина Алина Васильевна.

– Почему нет регистрации и телефона всех жильцов?

Наталья вновь нервно дергает губы в улыбке, извиняется перед посетителями и неуверенно отвечает:

– Я вношу полные данные только плательщика.

– Угу, – нечленораздельно мычу слова благодарности, делаю фото и отправляю СМС Ковалю. Если кто и сможет найти девчонку максимально быстро, так только он. Не успеваю открыть телефонный справочник, как смартфон вибрирует в руках.

– Ну, и что это? – интересуется голос из трубки.

– Данные, Коваль, – огрызаюсь я, выходя из душного помещения.

– Молодежь, вы все в край охерели. Какой Коваль? Дядя

Илюша, Илья Михалыч. Не дорос еще меня по фамилии полоскать.

– Я серьезно, помоги найти. – Я зажимаю ухом телефон, шаря по карманам в поисках сигарет.

– И я серьезно, ще-е-енок, – растягивает «е» с таким удовольствием, что по моей спине пробегает дрожь обращения. Я прикрываю глаза и глубоко вдыхаю. Несколько лет не выводили меня из равновесия парой слов. – Что, сбежала, прихватив бумажник? Или не дала? – продолжает издеваться. – Не дала, и у щенка ЧСВ зачесалось? – строит предположения.

– Да пошел ты! – я рывкаю в трубку.

– Охо-хо, злючка, ты слышишь, как орет? – Коваль обращается к Яне, своей паре.

– Помоги, блондин, не издевайся, – доносится сонное женское бормотание.

– Спасибо, Ян, – отвечаю я громко.

Тишина, недовольное кряхтение, шумный зевок, шаги, скрип двери.

– Ладно, рассказывай, – Коваль сменил привычный тон общения на деловой. – Что-то серьезное?

Я сминаю и швыряю в урну пустую пачку из-под сигарет, мне нестерпимо хочется курить, до ощутимой дрожи в пальцах. В рюкзаке есть новая пачка, ноги сами несут обратно к домику.

– Просто найди мне ее адрес или телефон, – приходит-

ся стискивать зубы, чтобы не оскалиться, словно бешеный зверь.

– Твоя, что ли? – осторожно интересуется собеседник.

Я сбиваюсь с шага, и меня обдает изнутри жаром.

– Нет! Просто найди. – Ловлю свое отражение в глади искусственного пруда. – Я не знаю. Нет. – Прислушиваюсь к зверю. – Не похоже. Наверное. Бред.

– Ну, если сомневаешься, точно не твоя, – заключает Коваль. – Дай мне пару часов, и я сам отзвонюсь. Кстати, должен будешь. – Сбрасывает вызов.

Еще несколько секунд верчу в руках смартфон, гася желание вбить номер Комаровой Анны и потребовать – нет, попросить, осаживаю себя — скинуть Алины данные. Аля. Алина. Но кто в здравом уме даст адрес или телефонный номер своей подруги явно неуравновешенному незнакомцу?

А логика и разум покинули меня вместе с беглянкой. Я прихожу к этому выводу. Моего терпения хватает на то, чтобы расстегнуть рюкзак, снять защитную слюду с пачки, вытащить сигарету и закурить. Зажав зубами фильтр, изредка застегиваясь, слушать «Абонент временно недоступен» и жать кнопку вызова вновь.

Спустя сорок минут номер Комаровой Анны так и не появился в сети. Не отключив вибрацию, я сложил смартфон в карман, собрал немногочисленные вещи и отправился домой. Нет смысла пытаться продолжать отдых, если все мыс-

ли крутятся вокруг девушки со светлыми волосами, настоящим взглядом и полным отсутствием манер.

– Где ты был? – нападает отец, не дав переступить мне порог дома. Он недоволен, впрочем, как и всегда. Привычка контролировать нас с матерью переросла в тотальную слежку. А после рождения младшего брата забота стала удушающей.

– Отдыхал.

– От чего? – интересуется он, наблюдая, как я снимаю рюкзак и оставляю ключи от байка на тумбе.

– От всего.

– Ты не забыл? Этот год последний, я больше не буду оплачивать твою учебу.

– Да, я помню. Как мама? Как Крис? – спрашиваю я.

– Мог бы ответить на ее звонок и сам спросить.

– Я понял, отец, что сегодня ты не в настроении. Кстати, об учебе, я перевожусь.

Эта идея ударила в голову сразу же, как на почту упали собранные данные. Коваль не тянул время: через час после разговора с ним, припарковавшись на обочине, я вчитывался в скупые факты биографии.

Аля – единственный ребенок в семье, дочь научного работника и домохозяйки. И судя по тому, что моя беглянка – сотрудник в педагогическом университете, родители возлагают на нее большие надежды. О том, чей голос я слышал во время телефонного разговора на пляже, ни слова... и это к

лучшему. Да, определенно к лучшему.

– В третий раз?! Что сейчас тебя не устраивает? – спрашивает отец.

– Будем считать, одноклассники. Они меня угнетают. Издеваются, не дают спокойно учиться. – Я подхожу к лестнице.

– По-моему, издеваешься только ты, – прилетает мне в спину. – Ты думаешь, это игра?

Я берусь за поручень.

– Ты же прекрасно знаешь, что я могу получить образование в любое время и уже получил бы, если бы хотел, – говорю я.

– Я прекрасно знаю, что, лиши тебя доступа к деньгам и квартиры в городе, ты бы сделал это быстрее. Последний год, Ник. Хватит прожигать жизнь, – произносит отец твердо. – Зайди к матери, поздоровайся. – Он резко разворачивается и уходит.

Оставить за собой последнее словно – отличительная черта отца. Обожаю ее.

Я собираю несколько комплектов одежды, захожу отметить к маме и поиграть с маленьким волчонком. За дни моего отсутствия карапуз освоил навыки ползания и всюю гонял по комнатам, заставляя домашних хвататься за сердце от умиления и переживаний.

Небольшая квартира встречает меня тишиной и запахом сгнивших фруктов. Живот скручивает голодным спазмом.

Идти в магазин лень, побыстрее бы чем-нибудь набить желудок и забыть про потребность. В ход идут макароны с натертым сыром, вполне съедобно.

Я занимаюсь бытовыми проблемами, но в голове заезженной пластинкой крутится фраза Ковалея: «Твоя что ли?» А вдруг действительно так? Моя пара. Но сейчас же зверь спокоен, не выкручивает жилы, как утром, не заставляет бездумно метаться кругами в поисках.

Беглянка. К девушке тянет – это факт.

Упав на диван и закинув руки за голову, я подгоняю завтрашний день, мечтая взглянуть в широко распахнутые серые глаза и прочесть удивление. Зверь довольно урчит: наши с ним мысли схожи.

Аля не покидает мой разум и ночью, навязчиво проникает в сон. Я вновь и вновь выныриваю из дремы. Наконец, отключаюсь. Отчетливо слышу ее сбивчивое дыхание, инстинктивно ощупываю пустующее место рядом с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.